

ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РЭНДАЛЛА КОЛЛИНЗА И КОНТЕКСТ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ¹

Н.С. Розов

Ключевые слова: историческая макросоциология, историческая динамика, Рэндалл Коллинз, теории революций, геополитика, этничность, рыночная динамика, модернизация, бюрократизация, секуляризация, капитализм, индустриализация, монастырская экономика, будущее российской политики.

Задача данной статьи — соединить идеи и материал книги известного социального исследователя Рэндалла Коллинза “Макроистория: очерки социологии большой длительности” [Collins 1999] с контекстом долговременных социальных и политических изменений в России, в некотором смысле так повернуть “угол зрения” российского читателя², чтобы отвлеченные, довольно строгие теоретические конструкции Коллинза и линии его аргументации, выстроенные обычно на далеком для нас материале, обнаружили свою эвристичность для понимания закономерностей исторической динамики нашей страны, тенденций ее развития в настоящем и будущем. При этом я воздержусь от критики идей и теорий Р.Коллинза, оставляя дело критического осмысления книги читателям и рецензентам. Иными словами, модальность последующих рассуждений имеет примерно такую форму: “допустим, что данные теоретические положения Р.Коллинза верны, что ценного и полезного они нам дают для понимания закономерностей и механизмов исторической динамики России?”

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Первая глава книги посвящена синтезу современных центрированных на государстве теорий революций. Почему эти теории стали вдруг настолько актуальными в сложившейся в России политической ситуации?

Правящая группа, как и сам режим “вертикали власти”, в значительной мере делегитимирована, особенно в среде образованного класса столиц и крупных городов, но явно не собирается не то что отдавать власть, но даже делиться ею. Чем дальше, тем плотнее закрывается “мягкий” путь, связанный с ротацией власти по результатам выборов и постепенной эволюцией. Соответственно, при росте общественного напряжения повышается вероятность политической революции как радикального средства существенного, а не декоративного преобразования режима.

Тут же в начале главы о революциях нас ждет и первое разочарование: классическая марксистская теория “скороварки” (напряжение снизу растет и взры-

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор философского факультета Новосибирского государственного университета. Для связи с автором: nrozov@gmail.com

¹ Автор выражает благодарность С.Н.Нефедову и С.В.Цирелю за ценные замечания по начальной версии данной статьи.

² Готовится к печати русский перевод.

вает политическую оболочку) развенчивается. Пока сплочены элиты и их военный репрессивный аппарат, любые низовые брожения тщетны.

Также понятно, что демографический фактор, ключевой в анализируемой Коллинзом теории Дж.Голдстоуна, проявившийся недавно как “молодежный бугор” в арабских революциях³, при текущем тренде российской депопуляции действует в обратном направлении, но может в ближайшие годы способствовать росту молодежных протестов в России, когда во взрослую жизнь войдут когорты, родившиеся в начале 1990-х годов.

Вполне релевантным и достаточно прозрачным фактором революционных изменений является “финансовое напряжение, неспособность государства платить своим собственным функционерам и, прежде всего, своим солдатам”. Известная нынешняя ситуация в России “один дарующий – много просящих и берущих” устойчива, пока есть что давать, а это определяется главным образом мировыми ценами на энергоносители.

Менее тривиальным, но также обсуждаемым является фактор “межэлитного конфликта, междоусобных войн, разделяющих правителей и парализующих их способность действовать”, иными словами раскол элит. Пока признаков его нет, а самым значимым является вопрос о следующем слое причинности: что ведет к расколу элит и иммобилизации (обездвижению) репрессивного аппарата? Имеющиеся, в том числе обсуждаемые Коллинзом, теории революций указывают на такие факторы, как:

а) *недостаточность ресурсов* у правящей группы для выполнения ожидаемых от нее обязательств (см. выше);

б) *перепроизводство элит*, что ведет к недовольству “обиженной” части и формированию контрэлиты;

в) *делегитимация правящей группы*, но не с точки зрения законности и оправданности ее правления, а с точки зрения утраты значительной частью элит веры в то, что поддержка этой группы – наиболее безопасная и эффективная политическая стратегия (см. далее о репрессивной коалиции);

г) *появление альтернативных центров влияния*, которые по каким-то причинам уже нельзя подавить и уничтожить и которые явно набирают как общественную популярность, так и притягательность для держателей ресурсов и для административных, силовых структур;

д) появление и популяризация *альтернативного привлекательного образа будущего* [Цирель 2012: 136], соответствующих лозунгов и идеологий, которые дискредитируют правящую группу и усиливают влияние новых центров силы;

е) *“бунт регионов”*, когда региональные власти сначала неявно, а потом все более открыто начинают поддерживать не правящую группу, а альтернативные центры силы, главным образом потому, что рассчитывают при их победе увеличить свои автономию, доступ к ресурсам и влияние;

ж) *утрача государством престижа могущества на международной арене*, вина за что возлагается в общественном сознании на правящую группу и режим;

з) убедительная *поддержка референтными, влиятельными державами альтернативных центров силы* (контрэлиты), что дает надежды в обществе на повышение международного престижа государства при их победе.

³ Системный мониторинг глобальных и региональных рисков см. [Арабская весна... 2012].

Выше перечислены факторы раскола элит и последующего политического кризиса, который может разрешиться самым разным образом, в том числе реакцией и авторитарным откатом, либо же временной либерализацией, сопряженной с утерей государственного контроля, ростом дискомфорта, тревожности и возвратом к авторитаризму. Выход из этой “колеи циклов” предполагает как организационную подготовку пришедших к власти групп, так и принятие ими особых “правил игры”, определенного круга общих принципов, запретов и ценностей [Розов 2011: главы 14-15]. В этом плане значимыми оказываются символические ресурсы и деятельность идеологов, а особого внимания заслуживает анализ Коллинзом представлений Дж.Голдстоуна и Р.Вутноу о роли интеллектуалов в революциях, прежде всего, тезисы о структурной обусловленности идеологий, о важности “патовой ситуации” между политическими силами для повышения статуса и творческой активности идеологов, о неспособности самих интеллектуалов к последовательным политическим действиям и проведению структурных изменений.

ПРЕДСКАЗАНИЕ РАСПАДА СССР И ГЕОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вторая глава о коллапсе Варшавского блока и Советского Союза — единственная в книге, непосредственно посвященная нашей стране и ее недавнему (по историческим меркам) прошлому. Коллинза неоднократно критиковали за эту работу, как правило, указывая на гипертрофию внимания к внешней геополитике и недостаточный учет внутренних (социально-экономических, национальных, идеологических и других) факторов распада. Такого рода критика не учитывает, во-первых, самостоятельной ценности применения аналитически выделенной аспектной теории (в данном случае — геополитической), оказавшейся достаточно сильной не только для полноценного научного объяснения, но и для предсказания [Гемпель 2000: 13-26], во-вторых, того, что геополитическое объяснение отнюдь не отвергает внутренние факторы, а напротив, органически увязывается с концепциями динамики внутри Варшавского блока и внутри СССР. Сам Коллинз в этой главе говорит о делегитимации власти и коммунистической идеологии, о ресурсном напряжении (во многом вследствие перестроечных реформ принявшем к концу 1980-х годов форму товарного голода) и о межнациональной напряженности, связанной со сверхрасширением. Вообще говоря, в современной мировой и отечественной литературе нет недостатка в альтернативных версиях “главного фактора” или “комплекса главных факторов” коммунистического коллапса, но никто, кроме Коллинза, до сих пор не сумел представить общую теорию, полученную на другом материале, которая в соединении с фактическими данными об СССР и Варшавском блоке 1980-х годов дала бы в качестве дедуктивного вывода предсказание распада этих структур.

Что же полезного может дать опыт теоретического предсказания коллапса СССР для современной российской геополитики? Насколько оправданы часто звучащие предупреждения об опасности дальнейшего распада России? Откуда ждать главных угроз? Каковы перспективы укрепления российских геополитических позиций? Детально все эти вопросы были рассмотрены в другом месте [Розов 2011: гл. 20-21]. Здесь укажем только на основные направления мысли, толчок к которым дают принципы теории геополитической динамики Р.Коллинза.

Большое богатство и большое население страны способствуют ее расширению за счет меньших соседей. Все без исключения новые страны, имевшие ранее статус республик СССР, обладают меньшими геополитическими ресурсами (богатством и населением), чем Российская Федерация, поэтому именно она для них представляет объективную опасность. Объединенная Европа отчасти сама страдает от сверхрасширения, что проявилось в плачевных следствиях утраты контроля за финансами отдельных стран, особенно Греции. К тому же, главные военные державы Западной Европы отделены от России целым слоем малых буферных государств, поэтому страхи перед Западом и НАТО обусловлены, скорее, возобновлением советской риторики “для внутреннего пользования”, а не реальными угрозами.

Принцип ресурсного преимущества уже два десятилетия работает на Китай. Если расширить понятие экспансии с открытого завоевания или аннексии до надежного извлечения наиболее ценных ресурсов из соседней территории, то приходится признать, что Китай, согласно долговременным программам “сотрудничества”, все больше становится скрытым владельцем богатых сырьевых ресурсов Восточной Сибири. Очевидно также, что при продолжении тенденции вымывания российского населения с Дальнего Востока и одновременном бурном росте городов, промышленности и населения северо-восточных китайских провинций принадлежность Приморья России будет все более зыбкой и оно становится первым претендентом на отпадение в случае глубокого внутреннего политического конфликта.

По параметру “невыгодная центральность / выгодная окраинность” (грубо говоря, отношение длины потенциально опасных границ к длине безопасных) положение Российской Федерации более благоприятно, чем СССР, опять же из-за появления малых буферных государств на Юге и Западе. Однако центральная позиция по-прежнему обуславливает немалое геополитическое напряжение: до сих пор потенциальным противником считается Запад, что ведет к удержанию значительных военных сил на западе и востоке страны. Кавказ, Таджикистан и китайская граница также оттягивают значительные военные ресурсы. При ухудшении конъюнктуры мировых цен на российский сырьевой экспорт данные напряжения непременно проявятся. Геополитическая центральность снижается, когда опасные границы переводятся в разряд безопасных, а это достигается за счет надежных союзов с теми, кому можно доверять и кто точно не планирует посягать на чужую территорию. Кроме того, по принципу шахматной доски (враг моего врага – мой друг) снизить угрозы со стороны наиболее опасных границ можно через оборонительный союз со всеми актуальными и вероятными противниками угрожающей державы. Из этих соображений и теории Р.Коллинза прямо вытекают императивы установления прочных дружественных союзов с Европой, США, Турцией (т.е. неугрожающими соседями, в том числе заморскими), с Тайванем, Вьетнамом, Индией (странами, которые испытывают угрозы или напряженность в отношениях с Китаем), устранения напряженности на Кавказе (что позволило бы России снизить нынешние серьезные финансовые и репутационные издержки).

Фактор сверхрасширения и соответствующая опасность дробления (фрагментации) для России с ее по-прежнему огромной территорией отнюдь не исчезли. Коммуникационные, экономические и отчасти даже культурные отно-

шения уже упомянутого Приморья с Китаем, Калининградского анклава — с Европейским союзом, Северного Кавказа — с Турцией и арабскими вакхабитами, Карелии — с Финляндией уже сейчас примерно равны или даже более сильны, чем связи этих регионов с Москвой и остальной Россией. Центральная власть эти проблемы видит, но пытается в соответствии со старой “советской” привычкой решать их через “укрепление вертикали”, бюджетный поводок, все новые запреты и официозную риторику о “величии” и “единстве”.

Геополитическая теория, изложенная во второй главе книги Колинза, указывает на необходимость совсем иных приоритетов в политике удержания территорий. Главными структурными факторами, способствующими сохранению целостности страны, являются: а) снижение логистических издержек во внутренних коммуникациях; б) приверженность населения окраин включенности в общенациональное целое в противоположность отчуждению от репрессивного центра; в) рост экономических выгод для окраин в рыночных взаимодействиях с другими регионами страны. Соответственно, упор следует делать отнюдь не на “вертикаль” и запреты, а на дорожную сеть, логистические хабы, на создание таких правовых и экономических условий, при которых власти и население окраин могли бы извлекать все большую выгоду из своей пограничной позиции во все более тесном обмене с другими регионами России.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Главное положение излагаемой в третьей главе геополитической теории этничности: престиж могущества государства делает привлекательным вхождение в этничность доминирующей в этом государстве группы, напротив, упадок престижа могущества ведет к отчуждению от этой группы и подъему этнонациональных движений за автономию или отделение. Яркое проявление этой теории в “наших Палестинах” представлено во фразе журналистки Ю.Латыниной об одном незадачливом кавказском “политике”: “Когда империя была в соку, он был ментом. А сейчас, вот, он — сторонник шариата и халифата” [Латынина 2012]. Описание и объяснение волн подъемов и спадов этнонациональных движений в СССР и России — большая самостоятельная задача. Здесь же обратимся к перспективе: как может помочь теория Р.Колинза в решении действительно насущных и острых проблем этничности?

Полная этническая ассимиляция (сталинский идеал) и не достижима, и не нужна в России. Зато есть очевидная потребность в укреплении общенациональной идентичности (если не под именем “россияне”, то, по крайней мере, в качестве “граждан России” или “русских в широком смысле”).

Вполне приемлемой, а возможно, и оптимальной для России является канадская модель и государственная этническая политика, когда жители Квебека (поляк, украинец, русский, китаец, индус, португалец, индеец) сохраняют свою особую идентичность, при этом все они чувствуют себя канадцами и гордятся этим. В государственной политике это достигается упором на билингвизм, на поддержку культуры всех этнических меньшинств, но не как изолированных сообществ (как пакистанцы в Англии или турки в Германии), а как важных частей большого разномастного народа, солидарных с его другими частями. Иными словами, в идеале “малая этничность”

(например, татарин, грузин, азербайджанец, армянин, узбек, еврей, чеченец, хакас, бурят, якут и т.д.) должна внутренне и извне *не противопоставляться* “большой этничности” (“я не русский”), но *сочетаться* с ней (“и одновременно российский”, “в том числе, русский по культуре”, “полноправный гражданин России”, “русский в широком смысле” и т.д.).

Что подсказывает теория Р.Коллинза относительно путей достижения этого идеала двойной этничности? Во-первых, в поддержке сейчас нуждается именно “большая этничность” (быть русским в широком смысле), а к росту ее привлекательности ведет рост геополитического престижа России. Здесь важно тонкое различие — значение имеет не столько сама по себе военная мощь (количество ядерных боеголовок, истребителей, подводных лодок и танков), и даже не победы в вооруженных конфликтах и войнах, а именно *престиж*, т.е. признание на внешней арене силы государства как не только большой, но и оправданной, легитимной, “доброй”.

США с блеском выиграли вторую Иракскую войну, но их международный престиж явно пострадал (по контрасту с первой Иракской), а Дж.Буш-младший и его команда — правители державы-победителя — утратили легитимность, а не увеличили ее. Подобным же образом, Россия, очевидно, победила в августе 2008 г. Грузию в военном плане, установила контроль на спорной территории, но престиж и легитимность ее были снижены, и это проявилось в том скандальном факте, что даже ближайшие союзники по СНГ и оборонительному блоку так и не признали независимость Южной Осетии и Абхазии. Соответственно, после этого не наблюдалось роста желаний малых народностей считать себя русскими, скорее, усилились движения за этническую автономию.

Не помогают ни возврат Кремля к переговорам с США о ядерном оружии, ни попытки представить себя лидером (одним из лидеров) антиамериканской коалиции. Гораздо лучше смотрятся международные акции помощи, проводимые МЧС, что вполне закономерно обеспечивало высокий внутрироссийский рейтинг бывшему главе этого ведомства. Похоже, в патовой ситуации долговременного мира (без масштабных и длительных войн) главным фактором престижа могущества становится *оправданная влияние*. Достигается же она: а) экономической мощью, миросистемным статусом — ростом присутствия на мировых рынках высокотехнологичной продукции, масштабами накопления и успешной коммерческой инициативы; б) привлекательным культурным экспортом; в) последовательной линией дипломатии в отношении острых международных проблем, ее нацеленностью на защиту понятных всем общезначимых ценностей (мира, справедливости, свободы, защиты угнетенных, прав меньшинств, демократии и т.д.).

Вслед за Коллинзом можно сделать смелое предсказание: при усилении факторов а) и в) все больше представителей малых этничностей (“национальных меньшинства” в прежней терминологии) станут считать себя “русскими в широком смысле”. Проигрыш по этим аспектам (усугубление роли России как сырьевого придатка, снижение качества, масштабов и популярности в разных странах российских фильмов, книг, живописи, дискредитация России как упрямого и эгоистичного переговорщика, спад ее влияния в международных делах) поведет за собой рост этнического сепаратизма в самой России, отчуждения этнических анклавов от России и центра, нежелания счи-

тать себя “русскими”, привлекательности старых и новых квазиэтнических (например, сибиряков, казаков, поморцев, космополитов и т.д.).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Излагаемая в четвертой главе концепция сущности демократии как коллегиально разделенной власти особенно актуальна для настоящего и будущего российской политики потому, что присущая России на протяжении всей ее истории с середины XVI в. “русская система власти” [Пивоваров 2006] прямо противоположна такому разделению.

Поскольку соответствующие идеи “Царя”, “единоначалия”, “крепкой руки” сохраняются, будучи прочно укорененными в головах элиты, просто-народа и немалой части образованного класса, в устройстве государственных институтов и в повседневных практиках [Розов 2011: главы 8-9], появление новых автономных центров силы как начальное условие коллегиальности, во-первых, крайне затруднено, во-вторых, даже когда случается, воспринимается подавляющим большинством как опасные “двоевластие” или “семибоярщина”, что необходимо преодолеть. Избавляются же в России от этих “пагуб” обычно жестко и даже жестоко: через опалу, ссылку, политическое убийство, тюремное заключение, осуждение на казнь вероятных политических конкурентов. Если же силовые ресурсы не монополизированы, а распределены, то происходят серии попыток узурпации власти, ведутся малые или большие гражданские войны, результатом которых непременно становится возрожденная “русская власть”, не терпящая ограничений и коллегиального разделения.

Вообще говоря, чтение данной главы может вызвать весьма пессимистические чувства у каждого, кто надеется на становление полноценной демократии в России. Слишком много объективных и субъективных условий должны удачно сложиться, причем многократно, тогда как многовековые политические привычки упорно будут этому препятствовать. Детально пять основных развилки и комплексы условий успешного (ведущего к демократии) прохождения каждой развилки представлены в других работах [Розов 2008: 74-89; Розов 2011: главы 14-16]. Здесь укажу только на главные ментальные сдвиги, необходимые (но отнюдь не достаточные) для демократизации:

а) порядок в стране может достигаться не единовластием и вертикальным принуждением, а горизонтальными компромиссами между паритетными центрами силы (в том числе, ветвями власти) и соответствующей системой правил;

б) не обязательно полностью подавлять, уничтожать, выбрасывать из политического поля побежденного соперника; возможны и реальны такие договоренности, системы правил и общественный контроль, что оставшийся “в поле” соперник, победивший на выборах, в будущем не будет, в свою очередь, подавлять и уничтожать утратившего власть правителя и его группу;

в) при сохранении нынешней территориальной централизации России (в сфере, налогов и распределения бюджета, в столичном контроле над местными назначениями и выборами, в гиперполномочиях федеральных ведомств) путь к демократии закрыт наглухо; только после радикальной федерализации, последующего объединения регионов на новых — горизонтальных, собственно, федералистских — основаниях, а также при умеренном повышении геопо-

литического престижа этой коалиции на внешней арене возникнет устойчивая разделенная коллегиальная власть — фундамент реальной демократии;

г) если когда-то удастся выстроить в России такую систему с паритетными центрами силы, горизонтальными компромиссами и регулярной ротацией на основе свободных и честных выборов, все центры силы, региональные альянсы и каждый из них в отдельности должны заботиться не о собственном выигрыше и проигрыше соперников, а о росте престижа государства, что в современных условиях означает подъем в миросистемной иерархии (от сырьевой периферии к ядру мир-экономики), рост культурного экспорта и оправданную влиятельность в мировой политике (см. выше); демократию мало выстроить, ее еще нужно надежно легитимировать.

ЧЕТЫРЕ АСПЕКТА МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Пятая глава книги посвящена опровержению устоявшегося образа Германии как исконно авторитарной, издавна “беременной” нацизмом. Эту задачу Коллинз решает, представив широкое полотно трудных, неустойчивых, полных возвратных движений процессов модернизации в крупнейших западных обществах: Германии, Франции, Великобритании и США. Он показывает, что как раз Германия, начиная еще со Средних Веков, была (по множеству аспектов) авангардом движения к современности. В то время как удручающий нацистский период стал следствием особого сочетания геополитических и геоэкономических процессов, и от подобной судьбы нет абсолютных гарантий ни в одном ныне демократическом западном обществе (тем более, в остальных, добавлю от себя).

Р. Коллинз дает очень четкую концепцию модернизации, разделив ее на четыре автономных долговременных тенденции: бюрократизацию, секуляризацию, капиталистическую индустриализацию и демократизацию. Поскольку о последней уже сказано достаточно, рассмотрим вкратце, как протекают первые три процесса в российской истории и современности, и что это означает для перспектив чаемой многими (в том числе, представителями власти) модернизации страны.

Реформы Петра I, наряду с построением современной военной организации и перевооружением страны как центральной частью его мечты “войти в Европу при шпаге”, включали два вспомогательных рывка, прямо соответствующих коллинзовским модернизационным компонентам: бюрократизацию и секуляризацию. Дальнейшая история Российского государства — это во многом история прогрессирующей бюрократизации, причем бюрократия использовалась почти исключительно для контроля над страной со стороны авторитарной “русской власти”. Индустриализация изначально имела не капиталистический, а государственнический и даже крепостнический характер (прикрепление рабочих к заводам при Петре и возобновление подобной практики при Сталине). Со времен правления Екатерины II можно говорить о сколько-нибудь значительной капиталистической индустриализации, которая, однако, всегда испытывала немалое давление со стороны государства, нередко вытеснялась государственным капитализмом, особенно в горном деле, металлургии, военном производстве и постройке железных дорог.

После коллапса Империи в 1917-1918 гг. и некоторых вольностей 1920-х годов сталинский “великий перелом” ознаменовал построение тоталитарного

государства с максимальным по историческим меркам проникновением бюрократии (включающей также иерархию “органов” — репрессивного аппарата) в жизнь общества, каждого его члена, в экономику, культуру, в частную жизнь. Построенное Лениным, Троцким и Сталиным советское государство в плане упорства и жестокости борьбы с религией, тотального навязывания атеизма было безусловным чемпионом во всей мировой истории в плане секуляризации⁴. Капиталистические начала были вытравлены полностью (по этому параметру с СССР может сравниться разве что Северная Корея).

Таким образом, в плане модернизации Советский Союз представлял собой громадный воплощенный парадокс: явный мировой лидер в бюрократизации и принудительной секуляризации, значительная, особенно в аспекте военной индустрии, промышленная держава, в корне истребившая все прежние рыночные и капиталистические традиции, с тоталитарным, то есть предельно антидемократическим политическим режимом.

С этой точки зрения любопытным образом смотрятся постсоветские 1990-е “ельцинские” и 2000-е “путинские” годы.

В период Б.Н.Ельцина бурное развитие капиталистических отношений и явное продвижение в сторону демократии (при остаточных авторитарных традициях и установлении суперпрезидентства в 1993 г.) сопровождалось удручающим ослаблением бюрократических функций государства, особенно в части сбора налогов и контроля над насилием, а также десекуляризацией — полным восстановлением легитимности церкви, реставрацией и постройкой новых храмов и т.д. Таким образом, все четыре советских тренда были обращены вспять. Теперь развитие капитализма и частичная демократизация составляли модернизационные изменения, тогда как (вновь парадоксально!) упадок бюрократических функций и десекуляризация вновь направляли Россию вспять от общих трендов модернизации.

В путинский период (продолжающийся по сию пору) после некоторого прогресса в развитии капиталистической экономики в 2000–2004 гг. стал доминировать курс на государственный капитализм в крупном бизнесе (госкорпорации и “придворные олигархи”), тогда как средний и мелкий бизнес попал в ведение региональных “баронов”, как правило, препятствующих свободной конкуренции. Бюрократия стала при этом гораздо более эффективной, что справедливо воспринималось как “восстановление государства”, но и могущественной, что особенно касается силовых ведомств: ФСБ, МВД, Прокуратуры. Десекуляризация стала вырастать в клерикализацию: попытки сращивания РПЦ с государством, проникновение религиозного образования в школы и вузы, негласная установка власти на превращение православия в государственную религию, причем явно с державническим, консервативным и авторитарным уклоном. После 2003 г. шло неуклонное движение отката даже от частичных завоеваний демократии, достигнутых в 1990-е годы.

⁴ Некоторые считают “научный атеизм”, коммунистическую идеологию и “культ личности” особыми разновидностями “безбожной религии”. Такой взгляд можно оправдать как антисоветский риторический прием, но ни социологически, ни культурологически он не верен. Действительная религия предполагает веру в сверхъестественное (личного Бога, богов или безличное начало), в зависимое от него посмертное существование (спасение, лучшее рождение, нирвану и т.д.), а также регулярные ритуальные практики, претендующие на контакт с этим сверхъестественным.

Итак, в первое десятилетие XXI в. Россия продвигалась по пути модернизации только в одном аспекте: в восстановлении и усилении государственной бюрократии, тогда как в остальных трех аспектах сильно откатилась назад. Хуже того, разросшаяся бюрократия при отсутствии внешнего дисциплинирующего контроля (принудительно-устрашающего, как в СССР и Китае) или общественно-репутационного, электорального (как в реальных демократиях) непременно становится подверженной разложению: наполняется теневыми коррупционными кликами, беззастенчиво присваивает ресурсы как государства (через распилы и откаты), так и населения (через взятки), неудержимо теряет ответственность и эффективность. Принцип бюрократии (четкое выполнение безличных правил) все больше замещается принципом патримониализма (личные патрон-клиентские отношения в теневых кланах) [Фисун 2006]. По сути дела, это означает подспудный процесс дебюрократизации, то есть уже по всем четырем аспектам путинское государство переживает не модернизацию, а демодернизацию.

Оппозиционное и протестное движение, начавшееся в декабре 2011 г., делает упор на демократизацию (“честные выборы”). Все более активно дискутируется опасность клерикализации государства (в связи со скандалами вокруг акции *Pussy Riot*). Аспекты бюрократического управления и капиталистических отношений (защита собственности, свободная конкуренция, формирование рынков земли, труда и капитала с открытым доступом и т. д.) удостаиваются гораздо меньшего внимания, но они являются не менее, а то и более значимыми для российской модернизации на современном этапе. Какие условия и действия требуются для продвижения в этих аспектах — отдельная большая тема, и обзор Р. Коллинзом истории такого продвижения в крупнейших западных обществах является отличным начальным пунктом для ее разработки.

РЫНОЧНАЯ ДИНАМИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СПЕЦИФИКА И ВЕРОЯТНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

В шестой главе Коллинз проводит своеобразный мысленный эксперимент: берет за основу последовательность социально-экономических формаций К. Маркса и Ф. Энгельса, переосмысливает их как эпохи доминирования динамики особых рынков (рынки родства в родоплеменных обществах, рынки рабов — в рабовладельческих, рентно-принудительные рынки — в феодальных и свободные рынки земли, труда и капитала — в капиталистических). Рынки каждого типа имеют тенденцию к расширению и развитию, что рано или поздно ведет к кризису социального порядка, радикальному сдвигу в системе собственности и переходу к новому типу рынков. Как известно, сходную “пан-рыночную” парадигму применительно к коммунистическим режимам развивали в свое время Янош Корнаи [Корнаи 1990] с его концепцией “вертикального торга” и авторы отечественной концепции “административного рынка” (В. Константинов, С. Кордонский, В. Найшуль, В. Широин). Похоже, в современной России схожие рынки власти, полномочий, прав, легитимности, доступа к ресурсам не менее значимы, чем капиталистические рынки товаров, труда и капитала (при крайне неразвитом до сих пор рынке земли).

Что же нам помогают увидеть теоретические понятия и конструкции Р. Коллинза в современных российских рынках?

Как гласит его теория, *“каждая форма рыночного обмена основана на особом виде собственности”*. Возьмем классическую ситуацию обмена: президентские структуры требуют от губернатора определенного процента голосов на выборах в пользу “партии власти” или поддержки “правильного кандидата”. При этом они негласно обещают оставить в этом случае губернатора в должности (или всячески способствовать его переизбранию на новый срок), не подвергая особо строгому контролю то, как губернатор и его “команда” обращаются с местным бизнесом, какими путями извлекают прибыль из своего командного положения. Наряду с этим, отдельный московский чиновник может намекнуть губернатору на необходимость поддержки особого благотворительного фонда (например, помощи ветеранам спецслужб) для наиболее успешного “решения вопроса”. Как видим, предметами собственности (в широком смысле) здесь являются полномочия и доступ к ресурсам, в том числе, финансовым, административным, силовым и символическим. Соответствующие рынки вполне резонно назвать *рынками полномочий и доступа*. Тут же следует сделать оговорку: собственность эта ненадежна, только формальная часть полномочий и доступа защищена административным правом. По сути же дела, эта собственность в подавляющем большинстве случаев имеет условный характер: индивид и группа могут лишиться ее по воле индивидов и групп с более высокими полномочиями.

Согласно концепции Р. Коллинза *“рынки варьируют в плане своей открытости”*. В преимущественно закрытой, непубличной политике современной России соответствующие рынки полномочий и доступа также являются закрытыми (к участию допускаются далеко не все желающие, а только доказавшие свою лояльность и сумевшие предложить что-то значимое для теневого обмена).

“Рынки как социальные структуры имеют тенденцию расширяться в течение длительных периодов времени”. Развертывание российской коррупции вширь и вглубь, особенно, с начала 2000-х годов вполне соответствует этому тренду. Главными же ограничениями выступают финансовые ресурсы государства (с 2000 г. они росли и пока остаются на высоком уровне даже после спада 2008–2009 гг.) и организованные протесты со стороны ущемленных социальных групп, ставящие пределы действиям участников рынка полномочий (до 2011–2012 гг. оставались разрозненными и малосущественными).

“Структурное расширение рынков приводит к экономическому и организационному росту за счет увеличения объема товаров и стимулирования инноваций в производстве”. Для рынков полномочий и доступа к ресурсам эта закономерность не действует. Скорее, склонность экономики к инновациям даже угнетается, поскольку наиболее простым и эффективным путем достижения успеха для бизнеса является вовсе не вложение в венчурные проекты, а достижение монополии на своем рынке путем подкупа местного руководства. Иными словами, путем выгодного обмена в том самом рынке полномочий и доступа к ресурсам в данном случае “покупается” закрытие доступа для конкурентов на “свой” рынок.

“Рынки конкретных единиц обмена, как правило, приводят к появлению вышестоящих, или надстроенных (superordinate), рынков, где торгуют самими условиями торговли”. Имеется ли и какова иерархия рынков полномочий и доступа — само-

стоятельная тема политико-социологических исследований. Здесь же только сопоставлю идею надстроженных рынков с остроумной моделью “мягких правовых ограничений” К.Рогова: “в системе, где правила нарушаются, но правила нарушения правил меняются, наибольшими возможностями (властью) обладает тот, кто контролирует режим изменения правил нарушения правил. В результате, возникают три этажа системы: 1) те, кто участвует в торге за право нарушения правил (субъекты санкционированного/несанкционированного правонарушения), 2) те, кто выдает права на нарушение тех или иных правил (исполнительский уровень), и 3) те, кто контролирует изменения правил нарушения правил и таким образом контролирует и тех, кто правила нарушает, и тех, кто выдает права на нарушение правил (это политический уровень) [Рогов б.г.]⁵.

“В долгосрочной перспективе рынки, как правило, достигают кризисных точек. Такие кризисы включают [...] существенное ограничение или разрушение ее основной формы рыночного обмена, а также преобразование социальной организации в структуру, основанную на иной форме собственности” [Collins 1999: 178].

Откуда ждать кризиса для системы рынков полномочий и доступа, включающей систему “меняющихся правил нарушения правил”? Очевидный фактор колебания основного источника государственных ресурсов — доходов от сырьевого экспорта — может поколебать систему, даже привести к смене правящей группы, но вряд ли изменит сложившиеся структуры и стереотипы поведения на таких рынках. Как считает К.Рогов, сосуществование “вертикального торга” с “горизонтальной” (читай, нормальной) рыночной экономикой, обеспечивающей некую прибыльность, приводит к устойчивой стагнации всей системы, пусть и лишенной развития. При этом, описанная система склонна к неуклонному самоподрыву вследствие действия нескольких *контуров деградации* — кругов обратной положительной связи между разрушительными тенденциями [Розов 2011: глава 13]. Здесь укажу только на три фактора, обеспечивающих такую деградацию системы.

1. Неистребимо *стремление людей, имеющих условную собственность, превратить ее в собственность настоящую*, поэтому тренд бегства капиталов и наиболее инициативных и талантливых людей из России имеет не временно-конъюнктурный, а системный характер и будет далее нарастать. При этом, благодаря рынку полномочий и доступа к ресурсам именно в России можно получить (в том числе, извне) наибольшую норму прибыли. В результате, территория России все в большей мере окажется объектом колониального расхищения, что неминуемо приведет к серии экологических кризисов и социально-политических протестов, способных опрокинуть сложившийся режим и систему рынков.

2. Развитие рынка полномочий и доступа к ресурсам как наиболее потенциально прибыльного неминуемо оттягивает на себя ресурсы, в том числе, силы, время и ответственность руководителей и функционеров как государства, так и бизнеса. Совокупным результатом является пресловутое “гниение (разложение) систе-

⁵ Здесь находит объяснение иррациональность вложений в инновации и развитие производств в сложившейся системе: “...права собственности трактуются здесь как права на результаты использования собственности (прибыль), в то время как сама собственность является отчуждаемой. Инвестиции в покупку индивидуальных прав на нарушение правил — это инвестиции непосредственно в увеличение текущей прибыли, в то время как инвестиции в рост эффективности производства — это инвестиции в собственность, важнейшей характеристикой которой является ее отчуждаемость” (там же).

мы”, все менее способной выполнять основные функции (ловить преступников, предоставлять услуги населению, совершать правосудие, охранять природную среду, поддерживать инфраструктуру, выпускать качественные товары и т.д.). Опять же, серии бедствий, взрывов недовольства и протестов при схождении в одну волну самоусиления способны привести к глубокому кризису и обрушить систему.

3. Даже при относительно благополучном и устойчивом развитии явлений, указанных в пп. 1-2, через обозримое время (судя по темпам глобального развития — не более 10-15 лет) все более драматически будет сказываться отставание от стран, по отношению к которым Россия долгое время считалась более развитой. Если доминирование Китая уже стало привычным, то отчасти начавшееся, отчасти вероятное в будущем, отставание России от Турции, Бразилии, Мексики, Индии, Таиланда, Индонезии станет все более скандальным, приведет к внешнему упадку престижа, соответственно, к внутренней делегитимации, обнаруживая все более очевидным образом пороки режима и ускоряя его крах.

Какой режим и тип рынков придет на смену нынешнему — об этом из данной концепции Р. Коллинза не узнать, хотя вновь актуальными оказываются теории революций (см. выше). При этом представленный в шестой главе книги детальный анализ специфики исторических типов рынков, кризисов рыночных систем и механизмов перехода интересен сам по себе для расширения кругозора и имеет немалую эвристическую ценность.

МОНАСТЫРСКИЕ КОРНИ “ЯПОНСКОГО ЧУДА” И УСЛОВИЯ ПОЛЪЗЫ ЦЕРКОВНОГО “СТЯЖАТЕЛЬСТВА”

Седьмая глава книги посвящена, казалось бы, совсем далекому от нас экзотическому сюжету — роли японских буддийских монастырей в формировании ранних капиталистических отношений. Если же присмотреться, то обнаруживаются любопытные параллели между историями монастырей и монастырской экономики в Японии и России, и возникает закономерный вопрос: отчего же столь многочисленные и богатые православные монастыри не стали ведущим сектором экономики в России, не привели к такому внушительному прогрессу коммерческих инициатив и предпринимательства, прав собственности, технологических инноваций, практик накопления и инвестиций, развития рынков земли, труда и капитала, структур самоподдерживающегося роста, как это красочно описано у Коллинза про буддийские монастыри в Японии?

Действительно, в обеих странах монастыри множились как грибы, обладали большой земельной собственностью и богатством, имели избыток дешевых рабочих рук, вели новаторские работы в области селекционирования, агротехники, обработки сельскохозяйственной продукции⁶. Как в буддийских, так и в православных монастырях были монахи-воины⁷, внутренние уставы, велась бумажная — бюрократическая — деятельность. Монахами в обоих случаях становились представители разных сословий, вокруг стен как

⁶ Так, в Кирилло-Белозерском монастыре в условиях Полярного круга монахи умудрялись выращивать виноград, арбузы и дыни. Отзвуки славы монастырского вина, которое готовили православные монахи, дошли и до нашего времени.

⁷ Таковы были монахи-воины — герои Куликовской битвы (звали ли их действительно Пересвет и Ослябя — другой вопрос). Многие монастыри на Руси были построены как крепости и, очевидно, велась особая военная подготовка монахов, чтобы они могли их грамотно защищать.

буддийских, так и православных монастырей росли посады – городки ремесленников и мещан. Любопытно, что идеологические битвы вокруг буддийской экономики в Японии весьма сходны с известным конфликтом между стяжателями (Иосиф Волоцкий) и нестяжателями (Нил Сорский) на Руси. Буддийских монахов так же обвиняли в бездуховности, в поглощении земными суетными заботами, заменившими возвышенный труд души, направленный на спасение. Очевидное материальное богатство монастырей вызвало благочестивый ропот и в Японии, и на Руси. В обоих случаях власти проводили секуляризацию (первоначальный смысл – конфискация церковного и монастырского имущества, в том числе, земельных владений).

Как видим, сходств немало, причем не поверхностных, а вполне значимых – структурных. Почему же все-таки буддийская монастырская экономика сыграла столь большую роль в становлении раннего японского капитализма, тогда как роль православных монастырей в развитии российского капитализма едва заметна (если вообще была)?

Очевидные подсказки дают география и геополитика. Японские острова – это ситуация перманентной стесненности по Р.Карнейро [Карнейро 2006], тогда как на Руси открывались бескрайние просторы, особенно на северном и восточном направлениях. Если некуда расти вширь, то инвестировать приходится в какие-то начинания на том же месте. Поэтому стесненность пространства ведет к интенсивной, а открытость пространства – к экстенсивной экономике. Действительно, православные монастыри постоянно отпочковывались, уходили в “пустынь”, либо вслед за иноками-первопроходцами, строившими скиты, либо вслед за крестьянами-переселенцами. Энергия православных монахов была направлена на строительство, борьбу с суровыми условиями, привычное освоение новых даровых ресурсов, а вовсе не на поиск новых коммерческих ниш в плотно заселенной местности, чем вынуждены были заниматься монахи буддийские.

Геополитический момент – это сроки и особенности централизации государства. В Японии бурное развитие монастырской экономики “успело” произойти в период раздробленности, при которой (важное сходство с Европой!) сохранялись тесные культурные и экономические связи между политиями (даймё), даже конфликтующими. Объединение страны в период Токугава (1600-1868 гг.) не привело к созданию репрессивной централизованной бюрократии; вместо этого сохранялся баланс сил между даймё, каждый из которых имел свою местную армию и администрацию.

В России централизация государства вокруг Москвы произошла раньше, причем особый характер государства сложился уже со времен Ивана Грозного; такое государство терпит сколько-нибудь самостоятельные региональные силовые центры лишь пока не способно их подавить и уничтожить. С этих пор и началась неуклонная борьба с самостоятельностью церкви и способностью монастырей к военной защите своих интересов и собственности⁸. Центральное правительство само активно занималось законотворчеством. Ясно, что в такой

⁸ Борьба оказалась долгой. Особенно драматична история Соловецкого монастыря, выдержавшего несколько нападений шведов, а из-за упорства в старой вере – восемь лет осады со стороны московского войска в 1668-1676 гг. (“соловецкое сидение”); еще через сотню лет Екатерина II секуляризовала земли монастыря на материке, причем, некоторые авторы считают, что конфискация отнюдь не была мирной.

ситуации внутренние уставы монастырей никак не могли войти в состав правовой системы, защищающей собственность, — важнейшей основы капиталистического развития.

В XVI–XIX вв. Россия в аспектах государственной централизации и ограничения частной коммерции оказывается сходной с Китаем, тогда как разделенная и коммерциализированная Япония во многом является миниатюрным подобием Западной Европы. В этом плане вполне закономерными видятся сходства между “европейским чудом” и двумя волнами “японского чуда”, с одной стороны, и жестокими коллапсами Российской и Китайской империй после столетий геополитического могущества, с другой.

Монастырские земли и собственность конфисковались государством и в Японии и в России. Важное различие состоит в том, кто и как затем управлял этим имуществом. Если в Японии основная часть монастырского богатства попала в частные руки торговцев и производителей (происходивших от тех же монахов или связанных с ними), либо аристократов, которые сдавали землю в аренду, то в России бывшие церковные и монастырские земли становились государственными, работали на них государственные крепостные, а управление было бюрократическим (подобно современным госкорпорациям). Соответственно, накапливаемый опыт коммерческих институтов, практик, традиций, технологических инноваций плавно перетекал в Японии из монастырской экономики в светскую, тогда как в России сами эти накопления были невелики и частичны (та же селекционная работа, виноделие, рецепты). Более того, после конфискации эти ростки, если и дали где-то всходы, то отнюдь не привели к развитию рыночных отношений и технологическому подъему, условием чего является надежная защита собственности и инвестиций.

Следует отметить, что православная церковь в России, несмотря на череду конфискаций (особенно масштабных при Иване Грозном, Петре I, Петре III и Екатерине II) вплоть до большевистского разгрома владела большим количеством земель, значительным имуществом и немалыми денежными средствами⁹. Вклад же этого сектора в капиталистическое развитие вряд ли можно считать существенным, вероятно, из-за того же бюрократического централизованного управления уже внутри церкви (принявшей со времен Петра I и сохраняющей по сию пору облик вертикально-принудительного госведомства).

Подтверждением тому служит обратный случай — нецентрализованная, но могучая старообрядческая экономика¹⁰, давшая России семьи купцов и фабрикантов (Морозовы, Гучковы, Рябушинские, Щукины, Третьяковы), представители которых неслучайно становились крупнейшими лидерами демократического и либерального движения, знаменитыми меценатами и коллекционерами.

⁹ “Согласно статистическим данным 1905 г., по 50 губерниям Церковь располагала 1,9 млн десятин земли, еще 0,3 млн десятин находилось в частной собственности духовных лиц. Ей принадлежало немалое количество промышленных предприятий и торговых заведений, доходных домов” [Шмелев б.г.].

¹⁰ Старообрядцы держали в своих руках хлебную торговлю и хлопчатобумажное производство, в крупнейших городах они составляли до половины и более зарегистрированных лиц купеческого сословия. См. [Частное предпринимательство... 2010].

Итак, даже предельно экзотическая глава книги Коллинза о средневековых буддийских монастырях в Японии может служить пониманию возможностей и драм нашей родной истории.

Арабская весна 2011 года. 2012. М.: Издательство ЛКИ.

Гемпель К. 2000. Функция общих законов в истории. — *Время мира. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Альманах.* Новосибирск: НГУ.

Карнейро Р. 2006. Теория происхождения государства — *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград: Учитель. Доступ: http://abuss.narod.ru/Biblio/AlterCiv/carneiro_state.htm

Латынина Ю. 2012. Как г-н Хасавов испугался шариатского суда. — *Ежедневный Журнал*, 30.04.

Корнаи Я. 1990. *Дефицит.* М.: Наука.

Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношении.* М.: РОССПЭН.

Рогов К. б.г. *Режим мягких правовых ограничений: природа и последствия.* Доступ: <http://inliberty.ru/blog/krogov/2471/>

Розов Н.С. 2008. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России. — *Полис*, № 5.

Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке.* М.: РОССПЭН.

Фисун А.А. 2006. *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации.* Харьков: Константа.

Цирель С.В. 2012. Революции, волны революций и Арабская весна. — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года.* М.: URSS.

Частное предпринимательство в дореволюционной России. Этноконфессиональная структура и региональное развитие. XIX — начало XX вв. 2010. М.: РОССПЭН.

Шмелев Г.И. б.г. *Экономический аспект взаимоотношений церкви и государства.* Доступ: http://www.orthedu.ru/ch_hist/shmelev.htm

Collins R. 1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run.* Stanford: Stanford University Press.

